

Мужун Чуи не сказал никому о том, что случилось с Цзян Есюэ.

Юэ Чэньцин после поминальной службы уехал вместе с Сяо Ланьэр обратно в Чунхуа, так что в Линьане не осталось никого, с кем стоило бы делиться этой новостью.

Будучи человеком проницательным, Мужун Чуи довольно быстро догадался, где скрывается Цзян Есюэ.

Стремительный, словно порыв ветра, он через мгновение оказался у пещеры Хуньтянь. Казалось, кто-то заранее предвидел его приход и уже поджидал гостя.

— Давно не виделись, господин Мужун, — старик, завидев его, приветливо улыбнулся.

— Это ты. Где Цзян Есюэ? Пусть немедленно выходит.

При виде старика Мужун Чуи не удивился: он уже встречал его раньше, именно этот человек был рядом во время ритуала жертвоприношения.

Старик продолжал улыбаться:

— Цзян Есюэ давно мертв. Господину это известно лучше всех: треснувший семейный светильник души семьи Юэ — лучшее тому доказательство. К тому же, черное проклятие, лежавшее на вас, развеялось еще четыре года назад. О, кстати, возможно, Цзян Есюэ не успел вам сказать, что наложенное им проклятие может исчезнуть только после его смерти.

— Разумеется, я хочу, чтобы он был мертв! Но объясни мне: в Линьане я не раз встречал человека, называющего себя Хань И. Если это не Цзян Есюэ, то кто?!

— Господин, приложите руку к сердцу и хорошенько подумайте: был ли тот человек действительно Цзян Есюэ? Тот самый, которого вы знали? Тот мягкий и благородный Юэ Есюэ? Или, может, тот Цзян Есюэ, что шел к цели по головам? Или тот, кто, искренне любя человека, причинял ему невыносимую боль? Тот, кого вы видели, — неужели это в самом деле тот самый Цзян Есюэ, которого вы так ненавидели и презирали?

— ...

Вопрос старика застал Мужун Чуи врасплох. Он опустил взгляд, размышляя над его словами.

Верно, в поведении того человека почти не было привычных черт Цзян Есюэ, но интуиция упорно твердила: это он.

— Это он, — наконец ответил Мужун Чуи.

Старик снова усмехнулся и кивнул:

— Все верно, это Цзян Есюэ. Но вы не сможете его убить.

Неизвестно почему, но слова старика принесли Мужун Чуи странное облегчение. Он сам не понимал, отчего.

— Почему?

Старик пояснил:

— Причина та же, о которой я только что говорил. Цзян Есюэ мертв. Теперь же перед вами живет лишь страж пещеры Хунтянь по имени Цзян Есюэ.

— Страж?!

Мужун Чуи поначалу не понял, но, услышав объяснение, содрогнулся. Он знал, что это такое. Когда-то давно, еще до того, как Юэ Есюэ ступил на путь демонов, он сам рассказывал ему об этом.

— Что ты имеешь в виду? — он не хотел в это верить.

Старик продолжил:

— Если господин смог совершить жертвоприношение, чтобы призвать призрачное войско и убить его, почему он не мог принести в жертву самого себя, чтобы стать стражем? Став им, он перестал быть Цзян Есюэ. С прошлым покончено, свои долги он почти выплатил. Встреча — это ошибка, он изо всех сил пытается сбежать от вас, так зачем же вы так настойчиво его преследуете?

Мужун Чуи молчал.

— Вы считаете, что он жив, только потому, что сами выжили после ритуала, а значит, решили, что и он не погиб. Вы принесли жертву, чтобы убить его, но знаете ли вы, ради чего принесли жертву Цзян Есюэ? У вас еще есть шанс на перерождение, а он, став стражем, навсегда лишил себя пути к новой жизни. Скажите, ради чего он это сделал? Став стражем, он лишился всех чувств и желаний, отсек себе путь к спасению. Зачем? Вы видите лишь то, что он поддался демоническому пути, совершал злодеяния, был жесток. Но помните ли вы, был ли он таким с самого начала? Неужели он изначально был настолько бессердечен? Сейчас он искупает свои грехи, так почему вы продолжаете давить на него, загоняя в могилу?

...

Что еще говорил старик, Мужун Чуи не помнил. Он помнил лишь, что в конце концов не выдержал и в гневе перебил его:

— По-твоему, если он сделал пару мелких добрых дел, он стал праведником? Смешно! Убийца и демон вдруг превратился в хорошего человека? А что насчет меня? Кто возместит мне те страдания, что я перенес?! Если он хочет искупить долг, пусть встанет передо мной на колени и позволит мне собственноручно убить его!

— Твои слова правдивы?

Едва Мужун Чуи закончил фразу, как за спиной старика раздался знакомый голос, а затем показалась и знакомая фигура. Это сказал он сам.

Цзян Есюэ был бледен, словно дни его были сочтены.

— Чжаосюэ, ко мне!

Меч вылетел из ножен Мужун Чуи и вонзился прямо перед Цзян Есюэ.

— Сяо Сюэ! Не делай глупостей! — крикнул старик, но тот даже не обернулся.

— ...Мужун Чуи, я спрашиваю тебя: твои слова верны? Если я умру, это покроет мой долг перед тобой?

Он больше не называл его Чуи или младшим дядей.

— Верны, — в холодных глазах Мужун Чуи плескалась ненависть. Он ответил, не колеблясь ни секунды.

— Вот и хорошо. Вот и хорошо.

Цзян Есюэ улыбнулся, и в тот же миг из его глаз покатились слезы. Он заметил, что в последние два дня часто плачет — видимо, в первой половине жизни он терпел слишком долго, и теперь сил сдерживаться не осталось.

Получив подтверждение, Цзян Есюэ, не раздумывая, схватил Чжаосюэ и вогнал клинок себе в грудь. На его бледном лице навсегда застыла пустота.

Его взгляд был устремлен на того, о ком он тосковал всю прошлую жизнь. Он надеялся увидеть

хоть тень иных чувств, но нет — не было ни капли.

— Мужун Чуи, ты правда... так сильно ненавидишь меня?

В конце концов он задал этот вопрос. Хотя он не понимал, почему тот Цзян Есюэ был так одержим этим человеком, воспоминания вызывали лишь боль, и он хотел прояснить всё до конца.

Ответ Мужун Чуи был предсказуем.

— Да, я ненавижу тебя. С самого начала, с самой первой встречи. Твоя мать отняла мужа у моей сестры, а ты едва не отнял то, что принадлежало моему племяннику. Скажи, с чего бы мне тебя не ненавидеть? Ты — омерзительный выродок! Тебе суждено вечно оставаться ни с чем!

Это был его ответ. Почти такой же, как в прошлой жизни.

Но Цзян Есюэ засмеялся. Смеялся искренне и счастливо. Он выдернул меч, брызнула кровь, и на его измученном лице отразилась агония.

— В таком случае, должен поблагодарить господина Мужуна. Спасибо за науку, благодаря которой этот выродок смог познать этот мир. Этот меч, испачканный кровью ничтожества, господину стоит поскорее выбросить, чтобы не пачкать рук.

Это были его последние слова.

Мужун Чуи ушел, не оставив Чжаосюэ, но, вероятно, больше никогда не вернется сюда. Однако на прощание он бросил:

— Страж не умирает. Пока я жив, каждый раз, когда увижу его, я буду убивать его снова.

Страж не перерождается и не умирает — это закон природы. Убивать его, как и сказал Мужун Чуи, он будет лишь ради того, чтобы сделать это своими руками.

Прошел месяц.

— Сяо Сюэ, старик не понимает: почему ты не сказал ему, зачем принес себя в жертву? — спросил старик, наблюдая за тем, как тот не сводит глаз с глиняной фигурки.

Воскресший Цзян Есюэ взял фигурку и ответил:

— Если бы он узнал, что Цзян Есюэ отдал всё, чтобы спасти его жизнь, я уверен, он тут же пронзил бы себя мечом. Он так ненавидит Цзян Есюэ, а характер у него такой упрямый, что он бы точно не выжил.

Старик погладил седую бороду, словно внезапно все осознав.

Наступила тишина, которую нарушил Цзян Есюэ:

— Старик, как ты думаешь, что на самом деле чувствовал Цзян Есюэ к Мужун Чуи?

— Кхе-кхе, — старик подавился от неожиданного вопроса и закашлялся. Посмотрев на него, он ответил:

— Ты же и есть он, тебе ли не знать? Ты сам говорил, что он любил его, разве нет?

Цзян Есюэ продолжал смотреть на фигурку:

— Раньше я тоже так думал. Но после того, как погиб от меча Чжаосюэ, мне вдруг показалось, что он, возможно, не любил его, а ненавидел.

— А? — старик окончательно запутался.

— Кто сказал, что человек готов на такое только ради любви? Ненависть — то же самое. Тот, кто умер, — победитель, а тот, кто остался жить, — страдает больше всех.

Старик, пораженный ходом мыслей своего подопечного, снова закашлялся:

— Сяо Сюэ, ты не слишком много думаешь? Может, Цзян Есюэ вообще не вкладывал в это такого смысла? Ты должен знать его лучше всех.

Лучше всех — это значит лучше, чем он сам, но разве кто-то знает себя лучше? Он никогда не хранил секретов от самого себя.

Однако Цзян Есюэ возразил:

— Нет. Возможно, я совсем не понимаю, о чем он думал. Воспоминания, которые он оставил, явно неполные, в них чего-то не хватает.

— Сяо Сюэ... — старик хотел было вразумить ребенка, который, на его взгляд, уже впал в безумие, но тот не дал ему шанса.

— Бах! — фигурка упала на пол. Цзян Есюэ равнодушно смотрел на осколки. — Воспоминания, что он мне оставил, как эта фигурка: даже если можно сложить общую картину, она никогда не будет полной.

Подумав еще немного, он усмехнулся:

— Да и ладно. Когда он принимал это решение, он хотел отпустить всё, хотел, чтобы я больше не мучился. Если я буду цепляться за это, то предам его волю.

Старик, уже приготовивший длинную речь для уговоров, опешил от того, что Сяо Сюэ сам себя успокоил. Поразмыслив, он нерешительно предложил:

— Сяо Сюэ, ты еще слишком молод, тебе не хватает опыта, поэтому многие вещи кажутся сложными. Может, мне дать тебе отпуск на год? Попутешествуй по миру?

Цзян Есюэ, до этого бездумно вертевший в руках всякую всячину, замер. Его взгляд стал сосредоточенным. Может, и правда стоит развеяться? Вдруг это принесет неожиданные плоды?

Помолчав, он неохотно согласился, но тут же задал вопрос:

— Путешествовать — это хорошо. Но как тыпустишь меня в таком состоянии? Забыл, что было в прошлый раз? Если бы не ты, я бы превратился в мумию!

При воспоминании о прошлом Цзян Есюэ помрачнел: этот старик был мастером втягивать его в неприятности.

— Хе-хе, — старик виновато улыбнулся. — Сяо Сюэ, не сердись, ведь в итоге всё обошлось! А от случайностей никто не застрахован.

Если бы силы позволяли, Цзян Есюэ с удовольствием бы его поколотил. Но, несмотря на все трудности, ехать было нужно.

Видя, что тот немного остыл, старик добавил:

— Не злись, я уже придумал, как тебе помочь. Я нашел одно заклинание. Оно не вылечит ноги, но позволит тебе ходить некоторое время. Ну как, я ведь забочусь о тебе?

Цзян Есюэ, услышав это, не обрадовался, а лишь насторожился. Он не рискнул бы жизнью, доверившись старику:

— Говори сразу, какие у этого заклинания побочные эффекты?

— Ничего особенного! Я тщательно выбирал. Побочный эффект лишь в том, что после использования ты будешь чувствовать истощение энергии, слабость во всем теле — ну, просто жуткая усталость. Использовать можно раз в день, на один час. Вот и всё.

Старик выглядел крайне уверенным. Цзян Есюэ вращал своими красными глазами, раздумывая, и в конце концов поверил.

— Ладно, ладно. Я поеду. Ты тут присматривай за домом, через год я вернусь и сменю тебя.

<http://bllate.org/book/22459/2362191>